

БЕЗ МАНТИИ

Стыд — это мантия достоинства.

Уильям БЛЕЙК.

Хотелось бы воспринять помещенную выше статью с непредвзятостью и научной беспристрастностью, но, признаюсь, это не очень легко. Нет, с ее автором я лично не знаком, хотя помню, как во время оно пестрели одесские газеты его безудержно разоблачительными антисоциалистскими сочинениями. Лет десять тому назад прочел я один из этихopusов и больше трудами автора не интересовался. Да и к чему? И так все было ясно — и степень

волка» есть выражение нравственной платформы самого Жаботинского? Разумеется, внимательный читатель не выпустит из вида, что речь идет о фельетоне, а не об исповеди. А в контексте всего фельетона совершенно понятно, что и в названии, и в процитированном пассаже с печально констатируется сложившаяся реальность, а уж никак не проповедуется волчье отношение к иным народам. Понятно, что в рамках обновленной методологии Г. Баканурского был «вынужден» искажать смысл прочитанных текстов, но, как говорится, не до такой же степени.

По логике Г. Баканурского, очень повредило Жаботинскому трехлетнее пребывание в Италии, где поднабрался он реакционных идей Маринетти. В этом утверждении не обошлось без исторической ошибки: в 1898—1901 гг., когда Жаботинский был в Италии, он не мог знать об идеях Маринетти, чьи произведения появились спустя несколько лет, и нашему земляку имя и творчество основоположника футуризма стали известны позднее.

Маринетти представлен в статье однозначно как союзник и «идейный предшественник» Муссолини. Этого суждения Г. Баканурскому кажется недостаточно, и ниже он пишет об «идеях итальянского футуризма, реализованных впоследствии режимом Муссолини». А было все не так просто. Действительно, полемически заостренная проповедь нравственного и культурного нигилизма у Маринетти и его адептов сближала их с фашистами; но была еще в их программе и установка на свободу творчества, неприемлемую для чернорубашечников. Не случайно фашистские власти в Италии в 1930-е годы запретили футуристское искусство. Автор же прочитанной только что статьи готов поставить в вину Маринетти все, включая «отказ от реализма как метода художественного творчества». Но такой отказ декларировался не только футуристами, а и многими течениями и школами, объединяемыми емким понятием «модернизм»; сегодня же только самые девственные в понимании искусства люди могут отказать модернизму в значительных художественных завоеваниях. Впрочем, не будем строго судить Г. Баканурского за искусствоведческие промахи: он ведь не эстетик, а философ совсем другого профиля.

От сближения Жаботинского с Маринетти философ идет дальше — к утверждению близости сионистского лидера к Муссолини и его режиму. Можно было бы в связи с этим вспомнить, что среди европейских литераторов были весьма неглупые люди, не сумевшие на первых порах

ления. Был ли среди них и их лидер? Вот что пишет по этому поводу видный израильский историк, профессор Тель-Авивского университета Анита Шапира: «Тогда как Жаботинский оставался верен либерализму и рационализму, ревизионисты, считавшие себя его учениками и провозглашавшие Жаботинского своим вождем, ударились в крайний радикализм массового толка, стали применять методы итальянского фашизма... Способам политической работы они учились, как ни странно, и у своих заклятых врагов — русских большевиков...».

Неискушенный читатель может вывести из напечатанной выше статьи мнение, что Жаботинский был чуть ли не единомышленником фашизма. Между тем, после прихода фашистов к власти в Германии Жаботинский выступил за полный, в том числе и экономический, бойкот Германии. Вскоре после начала второй мировой войны он выехал в США, где агитировал за создание еврейской армии, которая сражалась бы на стороне антифашистской коалиции. Кстати, во время этой поездки он и умер от разрыва сердца.

Самым страшным криминалом во взглядах и деятельности Жаботинского считает Г. Баканурского его антиарабскую настроенность. Но прислушаемся к самому политику: «...Мы все, все евреи и сионисты всех толков, желаем блага палестинским арабам. Мы не желаем вытеснить ни одного араба ни с левого, ни с правого берега Иордана. Мы желаем, чтобы они росли и в экономическом, и в культурном отношении...». Увы, действительность была далека от идеала. Когда весной 1920 года толпа арабов учинила в Иерусалиме жестокий погром, Жаботинский стал во главе отряда обороны и всерьез занялся организацией сил обороны. Реальность продиктовала ему и его единомышленникам стратегию «Железной стены» — доктрину оборонительную (уже по определению), а не агрессивную.

Склонен Г. Баканурский ставить в вину создателю этой доктрины и «робкое упование на милость британских властей». При этом опять игнорируются как специфика разных исторических ситуаций, так и идейная эволюция незаурядной личности. Пробританские настроения владели Жаботинским в годы первой мировой войны, когда он добился создания еврейского легиона, воевавшего на Ближнем Востоке в составе британской армии. Но в 1920 г. британские оккупационные власти допустили погром в Иерусалиме, а В. Жаботинского за организацию обороны бросили в крепость, приговорили к 15 годам каторги и лишь под давлением мировой общественности

поне 10 лет своей жизни он провел вне пределов Палестины. В политических целях в 20-е годы он призывал «опираться на мандат»; в этом призыве можно услышать уважение к международному праву, а уж никак не угодничество.

Всякое обвинение, выдвинутое в статье Г. Баканурского, нуждается в проверке фактическим материалом. Уважением к фактам философ не слишком оятагошен, стремясь доказать, что «для нас (сколько нас? — М. С.) Жаботинский — плохой советчик». За методологией проработчика стоит еще и трудно скрываемое желание вернуться на свою испытанную, прежде неплохо плодоносящую, а ныне запущенную ниву антисоциалистской пропаганды. Думается, что наш автор не одинок: в разных уголках бывшего Союза есть у него немало коллег-единомышленников, стончески дождающихся ренессанса «мудрой национальной политики» и возрождения спроса на т. н. «контрпропаганду». Пусть ждут.

Что же касается Жаботинского, то его образ менее всего подходит для примитивной канонизации. Наряду с великими политической прозорливости, были в его деятельности и просчеты, и заблуждения, как у многих выдающихся людей. Некоторые его поступки и в самом деле были продиктованы политическим романтизмом; «еврейский Гарибальди» — метко назвал его один из современников. Его действия были не всегда бесспорны, но никто не ставил под сомнение преданность этого человека своим идеалам и огромное личное мужество, и, конечно же, энциклопедическую образованность и талантливость. Полiglот, в совершенстве владеющий семью языками, блистательный оратор, одаренный писатель... Под обаяние личности Жаботинского попадали и друзья его, и политические противники.

Вот что, например, писал о нем заклятый его оппонент, один из лидеров рабочего движения в сионизме Б. Кацнельсон: «Он привлекает меня не своими воззрениями, а тем, что он — это он... Он прелесть. Что за живость, что за острота восприятия, что за чуткость к тому, на что другие — мы все — глядим сонными глазами...».

Радостно, что интерес к В. Жаботинскому возродился и на его родине. В Киеве издан сборник его избранных статей по национальному вопросу. Одесские и киевские газеты знакомят читателя с произведениями писателя. Вскоре выйдет в свет (впервые в нашей стране) роман «Самсон Назорей». Уточняются одесские адреса Жаботинского с целью установить мемориальную доску. Таким образом наш земляк возвращается к одесситам, но для этого возвращения предостой еще немало потрудиться. Правда, это благодарный труд, к которому стоит обратиться, не возвращаясь более к полемике с беззастенчивыми философами от агитпропа.

научной добросовестности, и уровень сервиллизма, и плохо скрытая ангажированность.

Потом резко изменился у нас идеологический климат, и спрос на энтузиазм такого рода философов приблизился к нулевой отметке. Кто-то из них стремительно поменял ориентир и победил «вперед прогресса»; другие, как бронепоезд из известной песни, отошли на запасный путь, где и замерли в тревожном ожидании конверсии.

Вот и стал одесский читатель забывать аромат статей ретивых проработчиков «мирового сионизма». Знакомство с трудами одного из них возобновилось после сообщения о том, что Одесса собираются чтить память своего земляка Владимира Жаботинского: Г. Баканурский обратился к читателям сначала с репликой, а на сей раз — с пространной статьей.

«Политпросветная» по форме, по содержанию эта статья как бы освещает многие темные стороны в мировоззрении и деятельности знаменитого политического деятеля. При этом автор статьи ссылается на «Автобиографию» и публицистику Жаботинского. Впрочем, дело не в широте круга источников, а в характере их использования — так сказать, в методологии спора. Эту методологию, по-моему, точно охарактеризовала Анна Мисюк (см. «ВО» от 13 декабря 1991 г.). Г. Баканурский выхватывает из работ Жаботинского одну-две фразы и, игнорируя их контекстуальный смысл, преподносит как квинтэссенцию воззрений политика читателю, у которого не всегда есть возможность проверить дипломированного философа на тот предмет, не злоупотребляет ли он читательским неведением.

Злоупотребляет без всякого стеснения! К примеру, приводит он фрагмент из фельетона «Человек человеку волк»: «Это только в Вегхом Завете написано: «Не притесняй инородца, ибо и ты был инородцем в земле Египетской». В теперешней морали этому сляпавому гуманисту

нашему назад прочел я один из этихopusов и больше трудами автора не интересовался. Да и к чему? И так все было ясно — и степень

научной добросовестности, и уровень сервильизма, и плохо скрытая ангажированность.

Потом резко изменился у нас идеологический климат, и спрос на энтузиазм такого рода философов приблизился к нулевой отметке. Кто-то из них стремительно поменял ориентиры и побежал «вперед прогресса»; другие, как тропеопоезд из известной песни, отошли на запасный путь, где и замерли в тревожном ожидании конверсии.

Вот и стал одесский читатель забывать аромат статей ретивых проработчиков «мирового сионизма». Знакомство с трудами одного из них возобновилось после сообщения о том, что Одесса собирается чтить память своего земляка Владимира Жаботинского: Г. Баканурский обратился к читателям сначала с репликой, а на сей раз — с пространным статьей.

«Политпросветная» по форме, по содержанию эта статья как бы освещает многие темные стороны в мировоззрении и деятельности знаменитого политического деятеля. При этом автор статьи ссылается на «Автобиографию» и публицистику Жаботинского. Впрочем, дело не в широте круга источников, а в характере их использования — так сказать, в методологии спора. Эту методологию, по-моему, точно охарактеризовала Анна Мисюк (см. «ВО» от 13 декабря 1991 г.). Г. Баканурский выхватывает из работ Жаботинского одну-две фразы и, игнорируя их контекстуальный смысл, преподносит как квинтэссенцию воззрений политика читателю, у которого не всегда есть возможность проверить дипломированного философа на тот предмет, не злоупотребляет ли он читательским неведением.

Злоупотребляет без всякого стеснения! К примеру, приводит он фрагмент из фельетона «Человек человеку волк»: «Это только в Ветхом Завете написано: «Не притесняй инородца, ибо и ты был инородцем в земле Египетской». В теперешней морали этому слюнявому гуманизму нет больше места», и т. д. Из этих фраз Г. Баканурский вычитывает близкую чуть ли не к фашизму жестокость автора к инопланетникам. Выходит, что и название «Человек человеку

обликованной» методологии Г. Баканурского был «вынужден» искажать смысл прочитанных текстов, но, как говорится, не до такой же степени.

По логике Г. Баканурского, счесть повредило Жаботинскому трехлетнее пребывание в Италии, где поднабрался он реакционных идей Маринетти. В этом утверждении не обошлось без исторической ошибки: в 1898—1901 гг., когда Жаботинский был в Италии, он не мог знать об идеях Маринетти, чьи произведения появились спустя несколько лет, и нашему земляку имя и творчество основоположника футуризма стали известны позднее.

Маринетти представлен в статье однозначно как союзник и «идейный предшественник» Муссолини. Этого суждения Г. Баканурскому кажется недостаточно, и ниже он пишет об «идеях итальянского футуризма, реализованных впоследствии режимом Муссолини». А было все не так просто. Действительно, полемически заостренная проповедь нравственного и культурного нигилизма у Маринетти и его адептов сближала их с фашистами; но была еще в их программе и установка на свободу творчества, неприемлемую для чернорубашечников. Не случайно фашистские власти в Италии в 1930-е годы запретили футуристское искусство. Автор же прочитанной только что статьи готов поставить в вину Маринетти все, включая «отказ от реализма как метода художественного творчества». Но такой отказ декларировался не только футуристами, а и многими течениями и школами, объединяемыми емким понятием «модернизм»; сегодня же только самые девственные в понимании искусства люди могут стигматизировать модернизм в значительных художественных завоеваниях. Впрочем, не будем строго судить Г. Баканурского за искусствоведческие промахи: он ведь не эстетик, а философ совсем другого профиля.

От сближения Жаботинского с Маринетти философ идет дальше — к утверждению близости сионистского лидера к Муссолини и его режиму. Можно было бы в связи с этим вспомнить, что среди европейских литераторов были весьма неглупые люди, не сумевшие на первых порах правления Муссолини разглядеть истинный лик итальянского фашизма. Были и в возглавляемом Жаботинским ревизионистском движении сионистов приверженцы муссолиниевских методов управ-

ления. Сососам политической работы они учились, как ни странно, и у своих заклятых врагов — русских большевиков...».

Неискушенный читатель может вынести из напечатанной выше статьи мнение, что Жаботинский был чуть ли не единомышленником фашизма. Между тем, после прихода фашистов к власти в Германии Жаботинский выступил за полный, в том числе и экономический, бойкот Германии. Вскоре после начала второй мировой войны он выехал в США, где агитировал за создание еврейской армии, которая сражалась бы на стороне антифашистской коалиции. Кстати, во время этой поездки он и умер от разрыва сердца.

Самым страшным криминалом во взглядах и деятельности Жаботинского считает Г. Баканурский его антиарабскую настроенность. Но прислушаемся к самому политику: «...Мы все, все евреи и сионисты всех толков, желаем блага палестинским арабам. Мы не желаем вытеснить ни одного араба ни с левого, ни с правого берега Иордана. Мы желаем, чтобы они росли и в экономическом, и в культурном отношении...». Увы, действительность была далека от идеала. Когда весной 1920 года толпа арабов учинила в Иерусалиме жестокий погром, Жаботинский стал во главе отряда обороны и всерьез занялся организацией сил обороны. Реальность продиктовала ему и его единомышленникам стратегию «Железной стены» — доктрину оборонительную (уже по определению), а не агрессивную.

Склонен Г. Баканурский ставить в вину создателю этой доктрины и «робкое упоминание на милость британских властей». При этом опять игнорируются как специфика разных исторических ситуаций, так и идейная эволюция незаурядной личности. Пробританские настроения владели Жаботинским в годы первой мировой войны, когда он добился создания еврейского легиона, воевавшего на Ближнем Востоке в составе британской армии. Но в 1920 г. британские оккупационные власти допустили погром в Иерусалиме, а В. Жаботинского за организацию обороны бросили в крепость, приговорили к 15 годам каторги и лишь под давлением мировой общественности должны были отменить приговор. А в 1930 г. британские власти, воспользовавшись зарубежной поездкой Жаботинского, запретили ему возвращение на подмандатную территорию, и послед-

нее, прежде не плохо приспособившуюся к нелегальной жизни, а ныне запертую ниву антиссионистской пропаганды. Думается, что наш автор не одинок: в разных уголках бывшего Союза есть у него немало коллег-единомышленников, стойчески ожидающих ренессанса «мудрой национальной политики» и возрождения спроса на т. н. «контрпропаганду». Пусть ждут.

Что же касается Жаботинского, то его образ менее всего подходит для примитивной канонизации. Наряду с взлетами политической прозорливости, были в его деятельности и просчеты, и заблуждения, как у многих выдающихся людей. Некоторые его поступки и в самом деле были продиктованы политическим романтизмом: «еврейский Гарибальди» — метко назвал его один из современников. Его действия были не всегда бесспорны, но никто не ставил под сомнение преданность этого человека своим идеалам и огромное личное мужество, и, конечно же, энциклопедическую образованность и талантливость. Полинглот, в совершенстве владеющий восемью языками, блистательный оратор, одаренный писатель... Под обаяние личности Жаботинского попадали и друзья его, и политические противники.

Вот что, например, писал о нем заклятый его оппонент, один из лидеров рабочего движения в сионизме Б. Кацнельсон: «Он привлекает меня не своими воззрениями, а тем, что он — это он... Он прелесть. Что за живость, что за острота восприятия, что за чуткость к тому, на что другие — мы все — глядим сонными глазами...».

Радостно, что интерес к В. Жаботинскому возродился и на его родине. В Киеве издан сборник его избранных статей по национальному вопросу. Одесские и киевские газеты знакомят читателя с произведениями писателя. Вскоре выйдет в свет (впервые в нашей стране) роман «Самсон Назорей». Уточняются одесские адреса Жаботинского с целью установить мемориальную доску. Таким образом наш земляк возвращается к одесситам, но для этого возвращения предстоит еще немало потрудиться. Правда, это благодарный труд, к нему стоит обратиться, не возвращаясь более к полемике с беззастенчивыми философами от агитпропа.

Марк СОКОЛЯНСКИЙ,
Профессор Одесского университета,
председатель оргкомитета
по увековечению памяти
В. Жаботинского
в Одессе.